

П О Э З И Я

Владимир Ханан

СТИХОТВОРЕНИЯ

х х х

У созерцающего волка
На дне крестообразных глаз
Тоски льдяное плоскогорье
И лютой нежности запас.

Слыхать, больничная палатка
Такие знала ледники,
Что уходили без остатка
На помраченные виски.

На мышцу, скрученную болью,
На вену, резанную вкось,
И зависали над постелью,
И убивали, как пришлось...

Бывало веры до отвала
Прицельной планки на глазах,
И лес карелится, бывало,
Вполнеба корни разбросав,

Как посреди глухого воя
Души взвивался голосок.
И с волка спросится живое
От вечности на волосок.

апрель 77

х х х

Гуляя вечером по стенке вертикальной,
Я часто видывал стези маниакальной
Зашепки, трещинки вокруг бездны неживой,
Какие-то холмы, заросшие травой,-
Все направляло взгляд к оценке беспокойной,
Как фотография картинки непристойной.

Но я не мог бежать: спецификой стены
Попытки были все мои обречены.

Однажды видел я Зевесовы пейзажи,
Которые текли, как летние миражи,
Не распадаясь; в них часть с частью скреплена
Была не хуже, чем с фундаментом стена.
Виделся Парфенон. От храмового входа
Я вдруг услышал: "Зевс Сорокового года",
И некий диск взлетел над бездною крутой,
И вышли белые процессией густой.

Потертости лица запомнились мне сразу.
Потом и так и сяк вортея я эту фразу,
Пытаясь в ней найти определенный смысл
И разум попытать символикою числъ. . . .
Но ускользала нить как будто диск над бездной.
Я время пожалел для траты бесполезной,
Поскольку все равно процессия ушла,
А чёрная вода остатки унесла.

Подумав не про то, я обнаружил это: ..
Любой живой пейзаж ~~имеет~~ имеет лишь два цвета,
А это главное - покуда на стене
Зацепки, трещинки... И зрячemu извне.
Все явственно: река, как бы поселок дачный,
Где я искал Марину в тьме чердачной,
Но не нашел - и шустрые зверьки
Мне кровью бешеною забрызгали зрачки.

август 76.

М.Т.

х х х

У брони торжественного танка,
На краю болотных степей,
Я тебя приветствую, гражданка,

Итальянка, Знать, Петебуржанка,-
До другого слова дотерпи.

Мне и то ведь много, как в печурке
Сонно бормотали по ночам
Уголья... Уж вы, полешки-чурки!
Лень вставать... а то сыграем в жмурки
И уедем в Углич невзначай.

Как, бывало, на санях под гору
Вылетал на деревянный мост -
То-то было смеху-разговору,
Колокольно галочьего ору, ..
Звону колокольного - до звезд!

За мои дошкольные сугробы,
Китаянка по разрезу глаз,
Поедим крутой домашней сдобы,
Выпьем водки и добавим, чтобы
Это было не в последний раз.

Подберем по возрасту подарки,
Колокольчик купим, волчий клик.
У иконы выставим огарки...
Это здесь когда-то по запарке
Колоколу вырвали язык.

Сколькоих я забыл за эти годы
Суеты в подручных у мольбы: ..
Вкус травы, волну с налетом соды,
Но зачем-то помню, как подводы
Провожали тело до Москвы.

Что мы знаем о судьбе угодной?
О любви? - колодезную жуть,..
Голос крови, нежностью голодной... -
Будь он проклят, этот рай болотный! -
Мы одни. Нас двое. Как-нибудь...

ГЕФСИМАНСКИЙ САД

Сад раскинулся вверх. Сторожившие тьму деревья
Отрещенно молчали. Молчала густая трава.
Словно в омуте бна цепенели слепые кусты,
И звезда не светила, и звук не пугал темноты.

Электрическим полем, готовым к смятению сил,
Колыхалось пространство, и кто-то уже подносил
Замыкающий перст... И с какого-то можноного дня
Отозвалась волна, и наверх подымалась волна.

Он всходил легким шагом, почти не смиряя толпы.
И поникшие травы боялись коснуться стопы.
Шаг творился помимо движенья. И время на час
Отодвинуло счет. И на миг показалось: погас

Тот единственный свет... И объятая тьмою душа
Содрогнулась от ужаса. Путаясь в платьи, спеша,
Он упал на колени. И руки взвдел. И уста
Обозначили Слово. И речь обрела немота.

Все, что знал от начал, все, что знал до конца и
потом,

Он, молясь, называл. И предсмертно кривящимся ртом
Заклинал эту чашу... А ВПРОЧЕМ НЕ Я, НО КАК ТЫ
И кричал еле слышно, почти что уже с высоты

Не холма, но креста, окруженного жадной толпой.
И умолк... И тот час в душный сад, обнимаемый тьмой,
Спустилось сиянье. Пора... Он поднялся с колен
И, помедлив, пошел... И кусты, охранявшие плен

Темноты, расступились перед Ним, как живые. Трава
Поддавалась. И время в свои возвращалось права.
Каждый шаг стал движеньем. Но это движенье вело
Не назад и не вниз, как казалось, а вверх. И чело

Покрывавшая бледность не краской была из живых,
Но предвестьем иного. Апостолы спали. Для них
Время двигалось прежним привычным порядком, а сны
Им не снились в ту ночь. Шум, раздавшийся со стороны,

Их не слишком встревожили: в толпе — и чуть-чуть впереди

Шел один из двенадцати, брат, постоянно среди
Них живущий — Иуда. И голос, сказавший "равви",
Был знаком, как молитва, пустившая корни в крови.

Вспомним заросли мрака и меч, поразивший раба...
Гефсимания-Мать! — нареченная наша судьба,
Ты вёрдишься поднесь, причащая началу начал...
А покудова — ночь... И петух еще не прокричал.

сентябрь 77

х х х

памяти отца

Некого в гости позвать
а с собой я, давно разминулся
разве что из лесу зверя
векового мохнатого голого,
с коготью длинной Не узнаю
коготь там или пасть
Я — ученик твой — скажу
Врешь — он скажет — ты жертва
Страшно противное время пришло:
весело жизнь изживать по направлению к смерти
нудно уныл обратный путь
Что ж! потолок поставим опять на привычное место
пол под ноги доложим стены украсим
Праздник, который всегда с тобой,
с тобой и ушел

Похороны и походы твои и мои
Похороны разделились разбились распались
Тело в огонь и на ветер а мы с чёрной урной остались
Похороненные походя наши бои
Тело тёлицы ли жертвенной? Я не пенял
И не пенью и память не возненавижу
Только примерюсь под крышку и ночью на крышу
выберусь: "Возьми меня".

ноябрь 77

х х х

Маше Гурьяновой

Яблоко осени желтозеленоей
Падает вверх, вопреки
Доле своей и землище влюблённой...
Если бы нам в мотыльки!

Как я любил это пламя сухое
С добрым сердечком во рту,
Ежевечерний туман над рекою,
Вещего зренья тщету!

Кто разбудил его синюю корону -
Скажешь, а я повторю.
Над колокольней, где ласточки тонут,
Крестную вижу зарю.

Сонное озеро плещется в чаше,
Нежит в закатной крови...
Не говори мне о доле пропащей,
Если она по любви.

Разве не так же тоскует о Боге
Маленьких племя свечей,
Как человек, обреченный Тревоге.

Как бы я выжил — ничей?!

В тоненьких крылышках, в лапках прижатых
Утлое тело неся,
Падают яблоки — нё удержать их —
В небо... Но плакать нельзя.

март 78

х х х

Проходящая дождь, по моим тротуарам прошла ты
так осмысленно жестко, что мозг на сравнения пуст.
Я не горькая степь, не пустыня — но тот, виноватый
всем богам ученик, осквернитель того, что из уст...

Проходящая, ты по казенному гиблому телу
отпечалила след, босоногая — нё позабудь
дом-могилу в Тригорском, последнюю нашу квартиру,
где скрипела кровать, точно этим перо отпугнуть...

У зарятого солнца не спросишь о помощи срочной
для мгновенного вымаха даже пускай не крыла...
Я застигнут, как степь... Отпусти мне на встрече заочной
то, что раньше простить нё умела, а знать не могла.

Навостри-ка бельмо, прорицатель того, что случилось,
уморительный практик с пустым канделябром в руке.
Ту нежужную малость лелею сегодня, как милость
Богоданного знанья в его неземном холодке.

У виновной души есть, как минимум, гордая воля.
Я рыгаю смиреньем — писатель, объевшийся слов на ветру
необъятных кровей, учененного страхом "доколе?" —
если я не угадчик, то, значит, и бес нё игрон.

Как ты, горькая, вымокла... Дождь, проходящая мимо...

Что мне! Будем естественней, глянем в затейный глазок:
даже страсти не выплыть туда, где пространство незримо;
отсыревший утопленник не начинает с азов.

Возвращенный из сфер - я сознательно глух к перекличке
созидающих умников, вслух говорящих птенцов.
У кирпичной стены отвлеченные чиркаю спички,
от закатного ветра полой прикрывая лицо.

март 78

СТИХИ О ГРЯДУЩЕМ

Псевдоготический профиль пристыл в межоконьи.
Памяткой спящему торжествовавший закон
Выкинет новые козыри, скажется мысли исконней...
Должно вам знать: неспроста подбирается он.

Знанье умеет знобить вроде голоса, льющего в споре
ржавом спираль серебра, освещаясь поверх
наших голов... но и кочет на местном заборе
необходим для зари, если верит в успех.

Слово зациклилось. Что же, стихов соглядатай,-
самоустроимся, сами себя устранив,
чтобы Господня букашка, курилка поддатый,
нас помянул среди ложью засеянных нив?

Я утомлен, но врага в перекрестьи не вижу.
Выйду с зеленою веткой, спрямлю уголок,
женщину выберу, может быть, к сердцу приближу,
на петербургского неба взгляну куполок.

Купол и ветер... Да, собственно, что мне до новых
ежевременников - если считать от нуля,
если б ни песня, ни Муза в знакомых кудряшках терновых,
если б ни слезы, что эти просторы солят!

Оды, задохнувшиеся в понапрасных теснинах...
Господи! чем наградил и какого рожна:
Видишь, рыдает пуша на своих именинах?
Если б Ты знал, как постыдно рыдает она!

Выгляну ухом и глаз перепонкой, как ящер,
полуприкрою - пророку тишайшему вслед.
Живородящая музыка в животворящей
нас обнимающей хочет вписаться в рассвет.

Так оглянись, покуда расплескэн над всеми! -
Я поклянусь, что Грядущему имя пустяк:
это ли горе, что нас обирают на время,
точно хозяин гостей на демьяновых щах.

Встретим же бывшее - ибо грядущее было.
Жуткие лопасти жизнь перемелют в муку.
Ждать ли чего, кроме стихотворного пыла,
ясного вечера на говорящем веку.

март 78

РАЗГОВОР

Хочется поговорить о многом.
Жизнь холмиста, встанем на пологом,
Соприродном веку под закат.
Взгляд отточим и крещенье примем,
Подновим любовь словесным гримом,
Всем простим и сами загрустим.

Времена в маки и в гайдамаки
Тем смущают, что смешают: в драке
Можно домахаться до греха.
* на собаках,
А не то на ближнем - так и так их! -
А не то и вовсе чепуха.

---

* Приятно экспериментировать /лат./

Мерная тоска не так заметна.
Всякий, кто поет, анахорет, но
Окружен созданьями пера.
То-то карме в ауре раздолье!
Впору уходить на богомолье,
Берегите силы для костра!

Каждый холм предполагает яму.
Одиночку сыгравши драму,
Глянешь: ба! троится в зеркалах...
Что за время! то есть, что за место!
Дух как перезрелая невеста:
Ветер скорби на его крылах!

Все же как участнику застолья
Мне милей родного травополья -
Юный спирт в старинное вино
Подмешав, такой сплести букетец,
Чтоб систематический умелец,
Нос зажав, выпрыгивал в окно.

Так что, если не кивать на нравы,
Современники, конечно, правы
В том, что нас сживают не спеша
Или вмиг - далеко ль за примером!
Думаю, как раз таким манером
Наша проверяется душа.

А теперь о ней: когда на воле
Я гулял - она несла в подоле,
И уже не важно, где в пути -
То ли жизнь нас повенчала, то ли
Смерть... Еще б я мог сказать о роли
Воли... Да не стоит... Так цвести!

октябрь 78

ДОРОГА В НОЧЬ

"Бежи несвятая душа..."

Из Тропаря Большого Четверга

Гомер был слеп, Улисс хитер, а ты
Жестокосердна. При таком раскладе
Едва ли будешь думать о награде
За постоянство. Данные листы
Не в счет. Ты помнишь — ощупью, без света
По шраму был служанкой узнан грек.
Но мечен всем, чем только метит век,
Я не хочу рассчитывать на это.

Есть в этом что-то жуткое — рубцы..
Хранят нам верность дольше, чем подруги,
Невесты, жены... Углядев дворцы —
Бросают шалости. Оставьте луки,
Моль голопузая! — мы сами не слепцы,

Шрам! — вот она где, верность насовсем.
Недаром боль от века шьется твари.
Но Господи! плоть вожделеет к паре —
За что же я, как нищий на пожаре,
До тошноты горящий воздух ём!

Зной сушит дабры. Жесткая стерня
Вбирает след, но отпечаток прячет.
Общенье тел не требует огня.

Разлуки тьма, родство искореня,
роднит вдвойне — и за душой маячит.

Ночь. В облаках затертая луна
Таращится сообщницей Ивана
Сусанина — и все-таки видна
Тропинка к дому. Справа от окна

Крадется тень... Покуда ты одна
Спи за двоих - мы завтра встанем рано.

Ночь. У сарая корм жуют волы.
Такой прогон, как будто я в чужое
Забрался время, точно мне малы
Кровать, и ночь, и женщина... Теллы,
Но как-то сухо плечи под руками.

Не кашляй, мальчик. Не балуй, жена,
Целуя ноги раненого славой
Бескровной жертвы. Ты была верна,
Чем я отчасти примирен с державой
Причин и следствий. Пусть она темна -
Лишь ты бы в ней казалась величавой.

Ночь. За окном шуршанье и возня,
Мозг сквозь дремоту пробегая список
Издергек, склонен к грубости: херня...
Но знает сам, что лжет. Что до меня -
То хоть и глупо гибнуть за огрызок,
Но все ж милей, чем мастерить коня.

Дорога. Ночь. Помятое крыло.
Из зарослей подглядывают рыбы,
разинув рты. Дома стоят как глыбы.
Тьма обобщает лодку, пляж, весло,
Сарай, колодец, время и пространство,
Меня, мои гремасу и чело,
Склоненные к часам, молчаливо зло
И прочно - ибо мера постоянства
Но время, а подкованное число.

Я опоздал, ты просчиталась... Жив
Лишь отблеск наш - и тот в обличье новом.
Любимая, я не случайно лжив:
Судьба не путь, как кажется, но миф,
Еще не обрученный с точным словом -
Но ты его поймешь поздней других.

Не вычисляй. Я выспался... Опять
Мой шрам смердит, и воздух сушит жабры.
И терпкий зной, каким нельзя дышать,
Стреляет в кровь. Мечта не ищет славы,
Но так влечет, что приневолит встать.

октябрь 78

х х х

Мне вспомнились набоковские "нетки".
Давай играть. Что, подобрав стекло,
Увидишь ты? Я вижу птицу в клетке
Уснувшую. Ну что ж... куда ни шло...

Смешно сказать, но в целом марте ветки
Я не нашел цветущей... Как назло
Стояла стынь. Просветы были редки.
Твой узкий след туманом замело.

март 79

БЕЗ НАЗВАНИЯ

В ту ночь мне снилось многое, хотя
И верилось, что я не спал никак.
Любовницы во тьме желтала долька,
И вся она была как бы дитя,
Уже чуть, правда, тронута морозцем
Девичества - наверное, к слезам...
А снился мне суровый Джугашвили
У гроба Лили Брик. Она в цветах
Лежала как красивая молодка
И щебетала что-то на французском,
Но я расслышал только "силь ву пле".
Еще во сне меня томила жажда,

Подташнивало. Матерно шурша,
Московская вокруг роилась пьянь.
Из всех щелей ползли стихи, как змеи,
Разрубленные диким топором.
Всем этим управлял вальяжный малый,
Мраморноватый. На причинном месте
Подрагивал какой-то сельдерей.
Да это ж Алексей Толстой — окстылся
Я, вспомнив басню Лена. Ночь была
Насыщена литературной гнусью,
И в носшибал чудовищный миазм,
О, Господи! — я повторял во сне —
Спаси меня. Но не было ответа...
Так в помраченье горьком я страдал,
Растекшись по дивану как Россия.
С Кавказа жгло, с Таймыра бил мороз,
Мозги засасывало Петербургом,
А где-то в отдаленьи вроде Вены
Сосал из сердца нежный скорпион.
Жизнь кончена, — с тоской подумал я,
Привычно ошибаясь. Рядом плавал
Покойник, колыхая сединой,
И снегом мне виски запорошило
/столь многая была во мне печаль/.
Давненько я не читывал Кулона —
Свербила мысль, но кто он — я не знал.
/Ночная книга с женщиной схожа
Любимой и таинственной — она
В любви страшна, дика и неопрятна./
Однако тошнота совсем прошла...
Пейзаж сменился новым, и погода
Менялась тоже к лучшему... И вот —
Из пелены лиловых облаков,
Пробившийся в каком-то главном месте,
Ударил луч решительного света.
И тут я успокоился, поняв,

Что все уже в порядке. - Это луч,
Казалось мне, собою замыкал
Какое-то ТВОРЯЩЕЕСЯ действие,
И можно сообразен был со всем,
Что было, есть и будет - но чему
Нет имени в языках человечих.

декабрь 78

0000000